

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ НАУКИ О ВОЙНѢ (СОЦИОЛОГИИ ВОЙНЫ).

1. — Наука о веденіи войны (теорія военного искусства) и Наука о войнѣ.

Величайшій военный мыслитель начала XIX вѣка — Клаузевицъ, пишетъ:

«Положительное ученіе о войнѣ невозможно. По самой природѣ войны невозможно возвести для нея научное зданіе, опору дѣятелю во всевозможныхъ случаяхъ. Дѣятель оказался бы внѣ научной опоры и въ противорѣчій съ ней во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ долженъ опереться на собственный талантъ. Однимъ словомъ, съ какой стороны ни подступиться къ дѣлу, выйдетъ..., что талантъ и геній дѣйствуютъ внѣ закона, а теорія идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью¹».

Въ самомъ дѣлѣ, военная наука, ограничиза-

1) Клаузевицъ, «О войнѣ», переводъ ген. Войде, т. I, стр. 83.

ющая сферу своего изслѣдованія однимъ изученіемъ способовъ веденія войны, могла только констатировать фактъ, что универсальныхъ путей къ побѣдѣ нѣтъ. Она можетъ и теперь лишь подтвердить тотъ выводъ, который такъ ярко формулировалъ Наполеонъ въ словахъ: «На войнѣ обстановка повелѣваетъ». Въ концѣ XIX вѣка такой крупный авторитетъ, какъ ген. М. И. Драгомировъ, въ своемъ замѣчательномъ разборѣ «Войны и Мира» Л. Н. Толстого, написалъ слѣдующія строки: «Въ настоящее время никому въ голову не придетъ утверждать будто можетъ быть военная наука»².

Однако, не смотря на приговоръ произнесенный надъ положительной военной наукой такими крупными военными учеными какъ — Клаузевицъ и Драгомировъ, этотъ приговоръ подлежитъ пересмотру.

«Война есть продолженіе политики, распоряжающейся иными средствами», пишетъ Клаузевицъ. А вотъ мысли Д. С. Милля о политикѣ, какъ наукѣ, которая съ полнымъ правомъ могутъ быть распространены и на военную науку:

«Политика», пишетъ онъ³, «до весьма не-

2) «Разборъ Войны и Мира», стр. 48.

3) Д. С. Милль. «Система логики силлогической и индуктивной; изложеніе принциповъ доказательства въ связи съ методами научнаго изслѣдованія». Переводъ подъ ред. В. Н. Ивановскаго; изд. 1900 г., стр. 707, 708.

давняго времени находилась (да и теперь еще едва ли перестала находиться) въ томъ положеніи, которое Беконъ назвалъ «естественнымъ состояніемъ наукъ»; въ этомъ фазисѣ науки разрабатываются одними практиками, которые занимаются ими не какъ отраслью теоретическаго изслѣдованія, а лишь для удовлетворенія требованій ежедневной практики и которые потому стремятся лишь къ *fructifera experimenta* (непосредственно полезному опыту), почти совершенно оставляя въ сторонѣ *experimenta lucifera* (опытъ проливающей свѣтъ). Такими были медицинскія изслѣдованія ранѣе того времени, когда начали разрабатываться, въ качествѣ самостоятельныхъ отраслей науки, фізіологія и естествознаніе. Единственнымъ предметомъ медицинскихъ изслѣдованій были тогда вопросы о томъ, какая діѣта здорова, какое лекарство излѣчиваетъ ту или другую болѣзнь; при этомъ, предварительному систематическому изслѣдованію не подвергали законовъ здоровой и болѣзненной дѣятельности различныхъ органовъ, отъ которыхъ, очевидно, должно зависѣть дѣйствіе всякой діѣты или лекарства... Такъ какъ общественныя явленія такъ рѣдко разсматривались съ истинно научной точки зрѣнія — то нѣтъ ничего удивительнаго въ незначительности успѣховъ соціальной философіи, въ томъ, что въ ней мало общихъ предложеній настолько точныхъ и достовѣрныхъ, чтобы люди должны были приз-

нать за ними научный характеръ. Отсюда вышло ходячее мнѣніе, что всякая претензія установить общія истины относительно политики и общества есть шарлатанство, — что въ такого рода вопросахъ нельзя достигнуть всеобщности, ни достовѣрности. Это общераспространенное мнѣніе оправдывается отчасти тѣмъ, что въ одномъ отношеніи оно дѣйствительно не лишено основанія. Значительная часть людей, хотѣвшихъ быть мыслителями въ политикѣ стремилась къ установленію не всеобщихъ послѣдовательностей, а всеобщихъ правилъ. Они измышляли какую либо одну форму правленія или систему законовъ, пригодную для всѣхъ случаевъ, — претензія, вполне заслуживающая тѣхъ насмѣшекъ, съ какими относились къ нимъ практики, и совсѣмъ не оправдываемая аналогіею съ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ политическое искусство должно быть въ наиболѣе близкой связи, по самой сущности своего предмета. Никто теперь не считаетъ возможнымъ, чтобы одно лекарство излѣчивало всѣ болѣзни — или хотя бы даже одну и ту же болѣзнь, но при всякой организаціи и при всякомъ состояніи тѣла.....».

Вышеприведенная цитата Милля можетъ быть безоговорочно отнесена къ состоянію военной науки до Клаузевица, и съ очень небольшими оговорками къ настоящему времени. До сихъ поръ еще нѣтъ отчетливаго сознанія того, что положительная военная наука возможна, но только

при ограниченіи своей задачи рамками изученія войны, какъ процесса соціальной жизни человѣчества, предоставивъ изученіе способовъ веденія войны теоріи военного искусства. Это различіе въ самомъ существѣ заданія требуетъ раздѣленія современной военной науки на двѣ отрасли: на «науку о веденіи войны», представляющую собой теорію военного искусства, и на «науку о войнѣ», представляющую собою одну изъ положительныхъ наукъ объ обществѣ.

Если признать подобное раздѣленіе за нашу отправную точку — то отрицаніе Клаузевица само собою отпадаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, закономерность общественной жизни является въ настоящее время общепризнаннымъ фактомъ. Разительныя доказательства этой закономерности даетъ намъ статистика. Есть ли достаточно основаній предполагать, что явленія войны составляютъ въ этомъ отношеніи какое то исключеніе?

Конечно, нѣтъ.

2. — Закономѣрность въ явленіяхъ войны.

Подобно тому, какъ для общественной жизни статистика даетъ рядъ поразительныхъ доказательствъ ея закономерности, такъ и при изслѣдованіи войны тотъ же методъ даетъ не менѣе убѣдительныя показанія.

Что боевыя явленія не такъ причудливы, какъ это кажется съ перваго взгляда, показываютъ цифровыя данныя о потеряхъ въ бою. Наиболѣе научно обработаны эти данныя по Франко-Прусской войнѣ 1870-71 г. г., къ нимъ и обратимся.

Возьмемъ два примѣра:

Отношеніе числа убитыхъ къ числу раненыхъ не должно сильно разниться въ однородныхъ войскахъ для крупныхъ войсковыхъ единицъ, если означенныя числа будутъ собраны за такой продолжительный періодъ времени, какъ цѣлая кампанія, ибо такое отношеніе должно болѣе всего зависѣть отъ свойствъ оружія противника и отъ того, какая рана для человѣка является смертельною и какая нѣтъ. Оба послѣднія условія могутъ быть признаны для одной и той же кампаніи почти неизмѣнными; вліяніе же удачной перевязки на полѣ битвы парализуется множествомъ случаевъ пораженій, приходившихся на каждый корпусъ; несомнѣнно, въ каждомъ изъ послѣднихъ были случаи и болѣе и менѣе благопріятные для выздоровленія, такъ что въ общемъ результатъ вліяніе перевязки могло сдѣлаться ничтожнымъ.

И дѣйствительно, если мы обратимся къ приложенію послѣдняго выпуска исторіи войны 1870-71 г. г., составленной нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ, гдѣ помѣщены обработанныя докторомъ Энгель данныя о потеряхъ понесен-

ныхъ Германскими арміями⁴, то изъ таблицъ II и V имѣемъ слѣдующее:

	Отношеніе числа убитыхъ (умершихъ на полѣ битвы) къ общему числу потерь убитыми и ранеными.	Отношеніе числа убитыхъ (умершихъ на полѣ битвы) и умершихъ отъ ранъ къ общему числу потерь убитыми и ранеными.
ВЪ КАКОМЪ КОРПУСѢ :		

Гвардейскій..	1/6	1/4
I-я..	1/7	1/4
III-я..	1/7	1/4
V-я..	1/6	1/4
VII-я..	1/6	1/4
VIII-я..	1/7	1/4
IX-я..	1/6	1/4
X-я..	1/6	1/4
XI-я..	1/7	1/5
XII-я..	1/6	1/4
I-я Баварскій..	1/7	1/4

ПРИМѢЧАНІЕ. Въ этой таблицѣ взяты только тѣ корпуса, въ которыхъ число потерь за войну превосходитъ 5.000 человекъ.

Цифры этой таблицы близки между собою до поразительности и показываютъ что и въ бою постоянныя причины приво-

4) «Германо-французская война 1870-71 г. г.». Составлено военно-историческимъ отдѣленіемъ Германскаго Генеральнаго Штаба. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. Н. Сухотина. Прибавленіе ко второй половинѣ послѣдняго выпуска.

дять къ однообразнымъ слѣд-
ствіямъ.

Приведемъ другой примѣръ:

Такъ какъ положеніе офицеровъ въ различныхъ бояхъ одной кампаніи сравнительно съ положеніемъ нижнихъ чиновъ въ массѣ случаевъ приблизительно одинаково, то есть основаніе полагать, что соотношеніе потерь (убитыми и ранеными) офицеровъ и нижнихъ чиновъ выразится почти однообразно. Предположеніе это вполнѣ подтверждается цифрами потерь во всѣхъ главныхъ бояхъ Франко-Прусской войны. Обратимся опять къ даннымъ, обработаннымъ докторомъ Энгель, а именно къ таблицѣ III, причемъ примемъ во вниманіе только тѣ сраженія, въ которыхъ число потерь превышаетъ 5.000 человекъ. На основаніи вычисленій можно составить слѣдующую таблицу:

ВЪ КАКОМЪ	Сколько убитыхъ и раненыхъ офицеровъ приходится на 100 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ:
-----------	---

СРАЖЕНИИ.

Вергъ... ..	5
Віонвиль... ..	5
Гравелотъ... ..	4
Седанъ... ..	5

Такимъ образомъ, цифры вполнѣ оправдываютъ наше утвержденіе, что отношеніе потерь офицеровъ къ потерямъ нижнихъ чиновъ въ большихъ бояхъ одной и той же кампаніи выражается почти однообразно.

Если мы обратимся къ сравненію численности офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ нѣмецкихъ войскахъ въ 1870-71 г. г., то увидимъ, что на 100 нижнихъ чиновъ приходилось 3 офицера. Между тѣмъ, вышеприведенная таблица показываетъ, что на 100 убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ приходится 4-5 убитыхъ и раненыхъ офицеровъ. Слѣдовательно, процентъ офицерскихъ потерь превосходитъ таковой же для нижнихъ чиновъ. Но это видимое отступленіе отъ закона вѣроятности вполнѣ объясняется болѣе опаснымъ положеніемъ офицера въ бою. Онъ обязанъ вести свою часть, слѣдовательно, находится впереди и выдѣляется отъ простыхъ солдатъ; въ трудныхъ положеніяхъ онъ подаетъ примѣръ храбрости и самоотверженія ⁵.

Указанныя обстоятельства и ведутъ къ относительно большимъ потерямъ въ бою офицеровъ сравнительно съ потерями нижнихъ чиновъ; это доказывается слѣдующей таблицей, относящейся ко всей Франко-Прусской войнѣ 1870-71 г. г. ⁶.

5) Масловъ. «Научныя изслѣдованія по тактикѣ», выпускъ I, стр. 11, 12, 13.

6) «Германо-французская война 1870-71 г. г. Составлено военно-историческимъ отдѣленіемъ Герм. Ген. Штаба». Переводъ подъ редакціей Сухотина. Прибавленіе ко 2-ой половинѣ послѣдняго выпуска, стр. 47.

ЧИНЫ И ЗВАНІЯ

	Въ процентахъ къ штатно- му состоянію чиновъ:		
	Убитыхъ.	Раненыхъ.	Всего
Штабъ офицеровъ... ..	8, 67	18, 22	26, 89
Капитановъ и ротмистровъ	7, 03	15, 17	22, 20
Поручиковъ и подпоруч.	7, 30	17, 60	24, 90
Унтеръ офицеровъ и нижнихъ чиновъ... ..	2, 60	9, 98	12, 58

Мы ограничимся приведенными примѣрами; но мы утверждаемъ, что каждое обращеніе къ статистическому методу подтвердить идею о полной законмѣрности явленій войны, такъ какъ эта идея составляетъ часть болѣе общей идеи о подчиненіи всѣхъ міровыхъ явленій закону.

Такимъ образомъ, наука о войнѣ имѣетъ право на существованіе наравнѣ съ прочими науками, изучающими общественную жизнь.

3. — Наука о войнѣ должна представлять собою ея соціологическое изслѣдованіе.

Причина отрицанія науки о войнѣ военными учеными заключается въ невѣрномъ представленіи, что наука должна дать военному искусству какія либо непреложныя правила.

«Даже совершенство науки», говоритъ въ своей логикѣ Милль⁷⁾, «не обуславливаетъ не-

7) Д. С. Милль, «Система логики силлогической и индуктивной. Изложеніе принциповъ доказательства въ связи съ методомъ научнаго изслѣдованія». — Стр. 708.